

Зеленин Д.К. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности // Сборник ЛОИКФУН. Л., 1929. Вып. 1. С. 96–108.

Рапопорт Ю.А., Семенов Ю.И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 184–232.

Решетов А.М. Дмитрий Константинович Зеленин: классик русской этнографии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века. М., 2004. С. 137–183.

Токарев С.А. Из дневников // Благодарим судьбу за встречу с ним (О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке). М., 1995.

Толстов С.П. Националы ЦПО. Первая отчетная выставка работ этнологического подотдела Государственного Музея Центрально-Промышленной области. М., 1928.

Толстов С.П. К проблеме аккультурации (в связи со статьей проф. Д.К. Зеленина об образовании великорусской народности) // Этнография. 1930. № 1–2. С. 63–87.

А.Ю. Синицын

О ЯПОНСКИХ ЧАСАХ МАКУРА-ДОКЭЙ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ И.Ф. ВАН ОВЕРМЕЕРА ФИШЕРА

В японском собрании МАЭ РАН представлено несколько традиционных японских часов *ва-докэй* («японские часы»). Одно из этих устройств — часы *макура-докэй* («часы у изголовья»), числящиеся под инвентарным номером 13–1, восходят к коллекции известного голландского собирателя Иоганна Фредерика ван Овермеера Фишера. И.Ф. ван Овермеер Фишер (1800–1848), служащий голландской Ост-Индской компании, собрал свою обширную (свыше 1200 экспонатов) коллекцию в 1820–1829 гг. во время пребывания в голландской фактории на о. Дэдзима. В 1838 и 1841 гг. часть своей коллекции он отправил в Россию на имя императора Николая I. В ней было немало интереснейших экспонатов, включая картины известных японских художников конца XVIII — начала XIX в., аксессуары гражданского и военного самурайского костюма, культовые принадлежности, предметы быта, макеты японских кораблей и многие другие раритеты. Особый интерес среди этих предметов представляли традиционные японские часы работы «императорского часовщика Jezso» в стеклянном футляре (Опись коллекции № 13 МАЭ РАН, л. 22). Безусловно, такие часы заслуживали специального изучения, однако при попытке найти их в фондах выяснилось, что по музейным документам (имеются в виду результаты проверки фондов 1982 г.) часы считаются утраченными; на месте их хранения была обнаружена лишь деревянная деталь — фрагмент футляра. Осталось также описание этих часов на французском языке, сделанное самим Овермеером Фишером в сопровождении

тельном письме (Опись коллекции № 13 МАЭ РАН, л. 23) со схемой циферблата.

Ниже приводится перевод этого описания:

«Часы работы императорского часовщика Jezso (В описи Овермеера Фишера от 1842 г. часы обозначены под номером 3 и названы «походными часами» — «pendule travaillйе»; в описи 1918 г. — «висячими стенными часами», № 13–2 (л. 2); в описи 1939 г. — «кабинетными бронзовыми, старинной работы», № 13–1 (л. 2).

Не приходится доказывать, что японцы — довольно хорошие астрономы и умеют определять время года и деление времени; что же касается часового мастерства, то надо признать, что это мастерство, как вообще большинство других механических ремесел, еще далеко не совершенны.

Как стенные часы, так и карманные еще мало употребляются японцами. Первые, хотя и местного изделия, очень дороги; а карманные часы, большими любителями которых они являются, им доставляются из Европы, и их считают предметом роскоши, и потому их носят лишь лица с высоким общественным положением.

Изображенные здесь стенные часы заслуживают некоторого внимания, хотя бы благодаря тому старанию, с которым они изготовлены, и стремлению к точности, которую японцы ценят в вещах, изготовленных механическим способом...

Несмотря на очевидность того факта, что прогресс в области механики мог бы привести к изобилию, государство считает вредными те все потребности, которые не могут быть удовлетворены продуктами сугубо ручного труда. Япония — это страна, где нет рынков, а все производимые продукты потребляются самими же японцами. Государство же заботится лишь о поддержании порядка и мира среди столь огромного населения. Хотя такая система и кажется противоречащей общественным интересам и даже честолюбию человеческого рода, все же, по моему мнению, полезное действие ее достаточно доказано, по крайней мере — для этого народа, не нарушаемым миром, который они сохранили уже в течение двух столетий.

Несколько декретов, изданных против роскоши и поддерживающих ручной труд и старательность, постоянно служили предосторожностью; с этой точки зрения понятно, почему этот народ — и отнюдь не из-за легкомысленного пренебрежения собственными интересами — отвергает блага цивилизации и не ценит прогресса в искусстве и науках, созданных в европейских странах.

На циферблате японских стенных часов, в противоположность европейской системе, мы видим, что круг с цифрами дви-

жется вокруг стрелки, причем последняя остается в вертикальном положении, показывая час, который бьет. Круг делает полный оборот в течение 24 часов, и, хотя ради удобства и пользы цифры для обозначения часов, последние, собственно, называются по 12 знакам зодиака, так что каждый такой знак соответствует двум часам нашего времяисчисления.

Их дни разделены на две части, но неравные, потому что часы должны показывать шесть часов с наступлением дня или ночи или с восходом и закатом солнца. Таким образом, стенные часы только тогда совпадают с солнечным временем, когда их проверяют, что обычно делается четыре раза в год.

Я не мог получить достаточного объяснения этой системы; очень странно, что [числа на циферблате] начинаются с 9, считая затем назад до 4-х, что составляет половину круга; то же происходит и со второй половиной, так что цифры 1, 2, 3 вообще не входят в счет. Нарисованный ниже круг дает еще некоторое пояснение циферблата описанных выше часов. При этом цифра 9 совпадает с 12 на наших часах...»

Следует отметить, что японская цифра 九 (девять) на циферблате часов соответствует не двенадцати, как пишет Овермеер Фишер, а одиннадцати. Примечательно, что цифры от 9 до 4 выбраны не случайно, а в соответствии с японской традицией, когда время отбивалось ударами в колокол в буддийских храмах. Заслуживает внимания и замечание капитана В.М. Головина, познакомившегося с японской системой отсчета времени в период нахождения в плену на о. Хоккайдо в 1811–1813 гг.

«Японцы разделяют сутки на 12 часов и считают 6 часов дневных или от восхождения до захождения солнца, и столько же ночных, то есть от захождения до восхождения. Следовательно, часы их неравны: когда день длиннее ночи, то и часы дневные более, и тому противное. Для меры времени употребляют они небольшой деревянный брусок, намазанный сверху глиной и выбеленный; в глине проведен узенький желобок, в который насыпается порошок какой-то травы, который горит весьма медленно, а по сторонам желобка в известных делениях сделаны дырочки, в кои втыкается гвоздик. Подле дырочек назначена длина часов дневных и ночных в течение шести месяцев от весеннего до осеннего равноденствия; часы сии в другие шесть месяцев будут уже ночные дневными и обратно. Итак, японские часовые, сыскав длину дневного часа в известное время, замечают ее гвоздиками и, насыпав в желобок порошок, зажигают с полудня и, таким образом, горением травы меряют время. Брусок сей японцы хранят в закрытом ящичке и стараются держать в сухом месте, но со всем тем мокрая или сухая погода имеет большое действие над их часами.

Сутки они начинают считать с полуночи, в которое время бьют в колокол девять раз, ударив прежде три раза для возвещения, что часы будут бить; то же делают они всякий раз, когда бьют часы. По прошествии часу после полуночи бьют восемь часов, потом — семь, а при восхождении солнца шесть, после чего — пять, там четыре, а в полдень — опять девять. В час пополудни — восемь, в два часа пополудни — семь, при заходе солнца — шесть, потом — пять, и, наконец, четыре, а после полуночи начинаются новые сутки.

Японцы бьют в часы таким образом: сначала ударят раз в колокол, потом, минуты через полторы, два раза — один вдруг после другого; сии три удара возвещают, что часы будут бить, или, так сказать, говорят: слушай! Потом, минуты через полторы, начинают бить часы, удар после удара секунд через 15, но последние два удара вдруг один после другого, как бы тем означали: полно считать!» [Головнин 1972: 215].

Поиск часов из коллекции Овермеера Фишера под номером 13-1 результатов не дал. Однако было выявлено наличие сразу двух японских механических часов, соответствующих описанию Овермеера Фишера, но числящихся под совершенно иными номерами: 1080-68 и 1080-68/2. Обнаружилось и вопиющее несоответствие предметов и музейных документов: в описи коллекции № 1080 под номером 1080-68 числились китайские «солнечные часы» (коллекция № 1080 поступила в 1908 г. от полковника Новицкого, регистрировал в том же 1907 г. Б. Адлер) и давалось следующее их описание: «Солнечные часы. На деревянном диске (6 см диаметр) наклеен бумажный циферблат с китайским иероглифическим компасом. Цифры на циферблате римские». Это описание совершенно не соответствует часам, числящимся под указанным номером. Номера 1080-68/2 в описи вообще не было. Получается, что в период между 1939-м г., когда была сделана последняя русскоязычная версия описи № 13, подтвердившая наличие часов, и 1982-м г., когда было отмечено их отсутствие на месте хранения, была нарушена топография фондов, и неизвестный сотрудник МАЭ ошибочно нанес на часы японского происхождения не соответствующие им номера китайской коллекции.

Таким образом, были обнаружены двое почти одинаковых часов *макура-докэй*, зарегистрированных под ошибочным номером. На настоящий момент источник поступления этих предметов не установлен. Те часы, что числятся под номером 1080-68/2, более всего соответствуют описанию Фишера и описям 1918 и 1939 гг., ибо снабжены упомянутым в описях футляром. Футляр с деревянным каркасом и стеклянными стенками — обычный аксессуар

ар японских часов такого типа; стекло в Японии в период Эдо считалось материалом драгоценным; его производили в очень ограниченных количествах мастера в Нагасаки и Сацума или импортировали из Голландии. В.М. Головнин в своей книге приводил пример, что голландские резиденты фактории Дэдзима в Нагасаки, оставшись без средств к существованию во время наполеоновских войн, жили за счет продажи оконных стекол со своих домов [Головнин 1972: 263].

Состояние обоих часов желает лучшего; часы № 1080–68 весьма пострадали от коррозии; № 1080–68/2 — тоже, но в меньшей степени; футляр рассохся и развалился на отдельные части, которые в настоящий момент связаны шпагатом (за счет которого футляр сохраняет форму). Как уже отмечалось, оба предмета почти не отличаются друг от друга как размерами, так дизайном и явно представляют работу одной мастерской или даже одного мастера. Корпус часов сделан из золоченой бронзы (или медного сплава, похожего на бронзу с содержанием золота); установлен на деревянную основу с ящичком для заводного ключа (в случае 1080–68 и ящичек, и ключ утрачены). Корпус прямоугольной формы (напоминающий традиционный японский домик), с четырьмя точеными балясинками, соединяющими верхнюю и нижнюю пластины корпуса («крышу» и «пол»); над корпусом, наподобие «башенки», установлен колокольчик из белого металла (возможно — серебросодержащего сплава), формой напоминающий хоккейную шайбу. На «фасаде» часов имеется круглый циферблат с японскими цифрами (в точном соответствии со схемой Овермеера Фишера) и ажурной стрелкой, направленной кверху. Стрелка всегда неподвижна, движется же сам циферблат, причем против часовой стрелки. Вокруг циферблата имеется выгравированная виньетка (мотив *ботан-то каракуса* — «пионы и «китайская трава»); подобная же гравировка имеется и на задней стенке часов. На обоих часах виньетки очень похожи, но имеются небольшие различия.

Кроме циферблата, на лицевой стороне в верхней части слева и справа вырезаны два маленьких квадратных окошка. Левое окошко показывает иероглифы, обозначающие циклических животных (каждый час суток обозначен своим животным; так, на часах 1080–68/2 в окошке ясно виден иероглиф 酉 *тори* — циклический знак часа курицы); назначение правого окна непонятно (на часах № 1080–68/2 в этом окошке виден иероглиф 一 *ман* — «десять тысяч», на 1080–68 знак уничтожен коррозией). Назначение окошка можно было бы понять, если бы был доступ ко всему ряду знаков, которые в нем должны появляться, однако механизм обоих часов не функционирует. Можно также сказать, что циферблат на таких часах избыточен: его показание «дублируется» зна-

ком циклического животного, соответствующего изображаемому часу. Минуты и секунды такие часы не отмеряют.

В настоящее время мало кто из японцев способен определять время по таким часам, ибо Япония перешла на Григорианский календарь с 1 января 1873 г. и коренным образом изменился не только циферблат часов, но и сама система отсчета времени. Традиционная же японская система отсчета времени была заимствована из Китая в период Асука (593–710) и основана на древних даосских представлениях, т.е. на философии «Великого предела» (*тайкёку*), взаимодействии Светлого (ян) и Тёмного (инь) начал (известного в Японии как *ом-мё-до*: — «путь Инь и Ян») и т.н. системы «десять небесных стволов и двенадцать ветвей» *дзиккан дзю:нисси*. Десять стволов — это пять первоэлементов (синее дерево, красный огонь, желтая земля, белый металл, черная земля), каждый из которых имеет «старшую» (ян) и «младшую» (инь) части. Двенадцать циклических животных — это мышь, корова, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака и свинья. Эти животные также делятся на «старших» и «младших», создавая шесть пар. Например, «красная огненная мышь» и «красноватая огненная корова», «желтый земляной дракон» и «желтоватая земляная свинья». Таким образом, 60-летний цикл начинается с «синей деревянной мыши» и заканчивается «черноватой водяной свиньей». В традиционном японском календаре 2007 год является 24-м по счету годом 60-летнего цикла, а именно годом «красноватой огненной свиньи».

Символика двенадцати циклических животных использовалась и для обозначения времени суток, делившихся на двенадцать равных интервалов *токи* (час); каждому из них соответствовало одно из двенадцати животных. *Токи* делится на две *хантоки* — *сё:хантоки* (первая половина часа) и *сэйхантоки* (вторая половина). Каждый *хантоки* делится на восемь *коку* (7,5 мин.); каждый *коку* — на 15 *фун* (30 сек.); каждый *фун* — на 60 *бё* (0,5 сек.) [Маркарьян, Молодякова 1990: 31–34]. Как отмечалось выше, длительность каждого часа суток колебалась в зависимости от времени суток и сезона: сутки отмерялись от восхода солнца до следующего восхода, поэтому ночные и дневные часы летом и зимой были неравными. Так что Овермеер Фишер был совершенно прав, когда говорил, что японские механические часы в быту были вещь ненужной, ибо правильно показывали время только дважды в год — во время весеннего и летнего равноденствий.

В МАЭ представлен и еще один вид традиционных японских часов — *尺時計 сякудокэй* («часы длиной в 1 *сяку*») — висячие стенные часы с инвентарным номером 681–7. Собиратель и обстоятельства поступления этих часов неизвестны, однако судя по но-

меру коллекции поступление относится к XIX в., причем к периоду до 1868 г. Эти часы весьма отличаются от *макура-докэй*. Они представляют собой длинный прямоугольный деревянный корпус, полый внутри. Часы снабжены сразу двумя механизмами. Первый находится на специальной полочке над корпусом. Второй механизм находится ниже, внутри полого корпуса, и соединен с первым кордом (струна *сямисэна*, в настоящее время оборванная). На этих часах отсутствуют привычные нам стрелка и круглый циферблат, вместо которого имеется бронзовая планка с делениями (как на безмене). Деления помечены фигурными бронзовыми бляшками с японскими цифрами в следующем порядке (сверху вниз): 5, 4, 9, 8, 7, 6, 5, 4, 9, 8, 7, 6. Между бляшками с цифрами — планочки меньшего размера, отмечающие *хантоки*. Выше цифр — бляшка с иероглифом *建* *татаэру*, отмечающим, по-видимому, конечную точку, после которой часы надо снова приводить в действие на следующие сутки. Понять, как это делается, можно благодаря тому, что часы очень легко разбираются. Планка с цифрами снимается, второй механизм отводится в предельно низкое положение. После завода он начинает подтягиваться верхним механизмом, медленно наматывающим корд на катушку. Второй механизм, проходя под планкой с цифрами, задевает специальным зубчиком отходящие от бляшек пластинки, благодаря чему отбивается время, а сама бляшка смещается; самая верхняя из смещенных бляшек указывает текущий час. В нижней части корпуса имеется выдвигная полочка с бронзовым ключиком для завода механизмов. Представляется, что часы такой системы были сколь оригинальны, столь и неудобны в эксплуатации, ибо, чтобы привести их в «рабочее» состояние, приходилось совершать довольно много действий (снять часы со стены, снять боковые планки, сместить второй механизм до упора вниз, вынуть ключик, завести механизм, убрать ключик на место, привести сместившиеся бляшки с цифрами и боковые планки в исходное положение, повесить часы на стену). Тем не менее *сяку-докэй* были довольно распространены в период Эдо и ныне украшают японские коллекции многих музеев мира [Такахаси Миико: 23].

Головнин В.М. Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. Хабаровск, 1972.

Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники Японии. М., 1990.

Такахаси Миико. Эдо дзидай катарогу. Яма-то кэйкокуся. Токио, б.г. (高橋幹夫. 江戸時代カタログ. 山と溪谷社).